

Валентин Катаев

Дудочка и Кувшинчик

Детизнз · 1961

Рисунки
Н. ОФФЕНДЕНА

ЦВЕТИК-СЕМИЦВЕТИК

ила девочка Женя. Однажды послала её мама в магазин за баранками. Купила Женя семь баранок: две баранки с тмином для папы, две баранки с маком для мамы, две баранки с сахаром для себя и одну маленькую розовую баранку для братика Павлика. Взяла Женя связку баранок и отправилась домой. Идёт, по сторонам зевает, вывески читает, ворон считает. А тем временем сзади пристала незнакомая собака да все баранки одну за другой и съела: сначала съела папины с тмином, потом мамины с маком, потом Женины с сахаром.

Почувствовала Женя, что баранки стали что-то чересчур лёгкие. Обернулась, да уж поздно. Мочалка болтается пустая, а собака последнюю розовую Павликову бараночку доедает, облизывается.

— Ах, вредная собака! — закричала Женя и бросилась её догонять.

Бежала, бежала, собаку не догнала, только сама заблудилась. Видит — место совсем незнакомое. Больших домов нет, а стоят маленькие домики. Испугалась Женя и заплакала. Вдруг, откуда ни возьмись, старушка:

— Девочка, девочка, почему ты плачешь?

Женя старушке всё и рассказала.

Пожалела старушка Женю, привела её в свой садик и говорит:

— Ничего, не плачь, я тебе помогу. Правда, баранок у меня нет и денег тоже нет, но зато растёт у меня в садике один цветок, называется „цветик-семицветик“, он всё может. Ты, я знаю, девочка хорошая, хоть и любишь зевать по сторонам. Я тебе подарю цветик-семицветик, он всё устроит.

С этими словами старушка сорвала с грядки и подала девочке Жене очень красивый цветок вроде ромашки. У него было семь прозрачных лепестков, каждый другого цвета: жёлтый, красный, зелёный, синий, оранжевый, фиолетовый и голубой.

— Этот цветик,— сказала старушка,— не простой. Он может исполнить всё, что ты захочешь. Для этого надо только оторвать один из лепестков, бросить его и сказать:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснёшься ты земли —
Быть по-моему вели.

Вели, чтобы сделалось то-то или то-то. И это тотчас делается.

Женя вежливо поблагодарила старушку, вышла за калитку и тут только вспомнила, что не знает дороги домой. Она захотела вернуться в садик и попросить старушку, чтобы та проводила её до ближайшего милиционера, но ни садика, ни старушки как не бывало. Что делать? Женя уже собиралась, по своему обыкновению, заплакать, даже нос наморщила, как гармошку, да вдруг вспомнила про заветный цветок.

„А ну-ка посмотрим, что это за цветик-семицветик!“

Женя поскорее оторвала жёлтый лепесток, кинула его и сказала:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснёшься ты земли —
Быть по-моему вели.

ВЕЛИ, ЧТОБЫ Я БЫЛА ДОМА С БАРАНКАМИ!

Не успела она это сказать, как в тот же миг очутилась дома, а в руках — связка баранок!

Женя отдала маме баранки, а сама про себя думает: „Это и вправду замечательный цветок, его непременно надо поставить в самую красивую вазочку!“

Женя была совсем небольшая девочка, поэтому она влезла на стул и потянулась за любимой маминой вазочкой, которая стояла на самой верхней полке. В это время, как на грех, за окном пролетали вороны. Жене, понятно, тотчас захотелось узнать совершенно точно, сколько ворон — семь или восемь? Она открыла рот и стала считать, загибая пальцы, а вазочка полетела вниз и — бац! — раскололась на мелкие кусочки.

— Ты опять что-то разбила, тяпа-растяпа! — закричала мама из кухни. — Не мою ли самую любимую вазочку?

— Нет, нет, мамочка, я ничего не разбила. Это тебе послышалось! — закричала Женя, а сама поскорее оторвала красный лепесток, бросила его и прошептала:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснёшься ты земли —
Быть по-моему вели.

ВЕЛИ, ЧТОБ МАМИНА ЛЮБИМАЯ ВАЗОЧКА СДЕЛАЛАСЬ ЦЕЛАЯ!

Не успела она это сказать, как черепки сами собою поползли друг к другу и стали срастаться.

Мама прибежала из кухни, глядь— а её любимая вазочка как ни в чём не бывало стоит на своём месте. Мама на всякий случай погрозила Жене пальцем и послала её гулять во двор.

Пришла Женя во двор, а там мальчишки играют в папанинцев: сидят на старых досках и в песок воткнута палка.

— Мальчишки, мальчишки, примите меня поиграть!

— Чего захотела! Не видишь— это Северный полюс?

Мы девчонок на Северный полюс не берём.

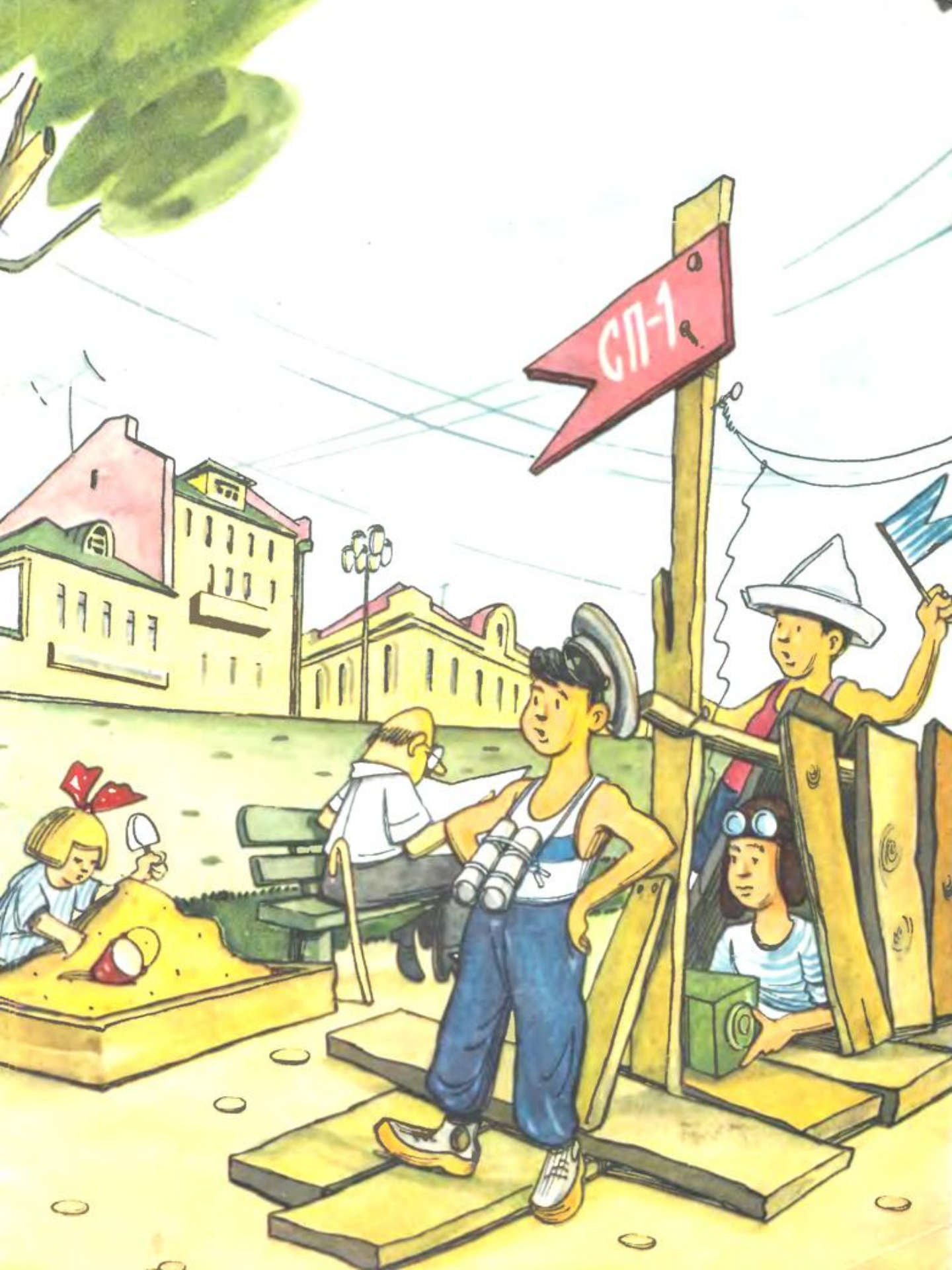
— Какой же это Северный полюс, когда это одни доски?

— Не доски, а льдины. Уходи, не мешай! У нас как раз сильное сжатие.

— Значит, не принимаете?

— Не принимаем. Уходи!

— И не нужно. Я и без вас на Северном полюсе сейчас буду. Только не на таком, как ваш, а на всамделишном. А вам — кошкин хвост!

Женя отошла в сторонку, под ворота, достала заветный цветик-семицветик, оторвала синий лепесток, кинула и сказала:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснёшься ты земли —
Быть по-моему вели.

ВЕЛИ, ЧТОБ Я СЕЙЧАС ЖЕ БЫЛА НА СЕВЕРНОМ ПОЛЮСЕ!

Не успела она это сказать, как вдруг, откуда ни возьмись, налетел вихрь, солнце пропало, сделалась страшная ночь, земля закружилась под ногами, как волчок.

Женя, как была в летнем платье, с голыми ногами, одна-одинёшенька оказалась на Северном полюсе, а мороз там сто градусов!

— Ай, мамочка, замерзаю! — закричала Женя и стала плакать, но слёзы тут же превратились в сосульки и повисли на носу, как на водосточной трубе.

А тем временем из-за льдины вышли семь белых медведей и прямёхонько к девочке, один другого страшней: первый — нервный, второй — злой, третий — в берете,

четвёртый — потёртый, пятый — помятый, шестой — рябой, седьмой — самый большой.

Не помня себя от страха, Женя схватила обледевшими пальчиками цветик-семицветик, вырвала зелёный лепесток, кинула и закричала что есть мочи:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснёшься ты земли —
Быть по-моему вели.

ВЕЛИ, ЧТОБ Я СЕЙЧАС ЖЕ ОЧУТИЛАСЬ ОПЯТЬ НА НАШЕМ ДВОРЕ!

И в тот же миг она очутилась опять во дворе.

А мальчишки на неё смотрят и смеются.

— Ну где же твой Северный полюс?

— Я там была.

— Мы не видели. Докажи!

— Смотрите — у меня ещё висит сосулька.

— Это не сосулька, а кош-
кин хвост! Что, взяла?

Женя обиделась и решила
больше с мальчишками не во-
диться, а пошла на другой

двор — водиться с девочками. Пришла, видит — у девочек разные игрушки. У кого коляска, у кого мячик, у кого прыгалка, у кого трёхколёсный велосипед, а у одной — большая говорящая кукла в кукольной соломенной шляпке и в кукольных калошах. Взяла Женю досада. Даже глаза от зависти стали жёлтые, как у козы.

„Ну, — думает, — я вам сейчас покажу, у кого игрушки!“

Вынула цветик-семицветик, оторвала оранжевый лепесток, кинула и сказала:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснёшься ты земли —
Быть по-моему вели.

ВЕЛИ, ЧТОБЫ ВСЕ ИГРУШКИ, КАКИЕ ЕСТЬ НА СВЕТЕ, БЫЛИ МОИ!

И в тот же миг, откуда ни возьмись, со всех сторон повалили к Жене игрушки.

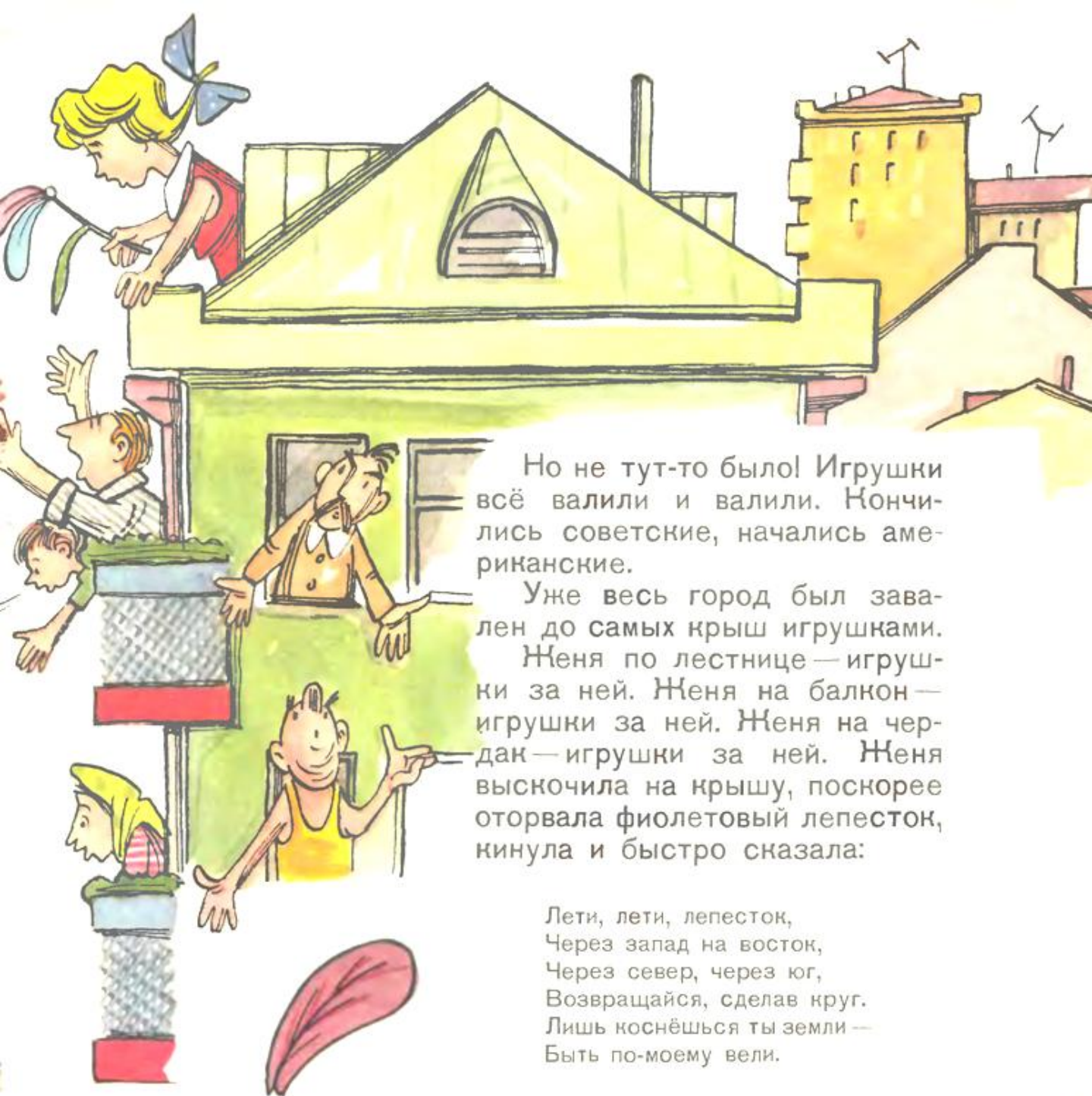

били, танки, танкетки, пушки. Прыгалки ползли по земле, как ужи, путаясь под ногами и заставляя нервных кукол пищать ещё громче. По воздуху летели миллионы игрушечных самолётов, дирижаблей, планёров. С неба, как тюльпаны, сыпались ватные парашютисты, повисая на телефонных проводах и деревьях. Движение в городе остановилось. Постовые милиционеры влезли на фонари и не знали, что им делать.

— Довольно, довольно! — в ужасе закричала Женя, хватаясь за голову. — Будет! Что вы, что вы! Мне совсем не надо столько игрушек. Я пошутила. Я боюсь...

Но не тут-то было! Игрушки всё валяли и валяли. Кончились советские, начались американские.

Уже весь город был завален до самых крыш игрушками.

Женя по лестнице — игрушки за ней. Женя на балкон — игрушки за ней. Женя на чердак — игрушки за ней. Женя выскочила на крышу, поскорее оторвала фиолетовый лепесток, кинула и быстро сказала:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснёшься ты земли —
Быть по-моему вели.

**ВЕЛИ, ЧТОБ ИГРУШКИ ПОСКОРЕЙ
УБИРАЛИСЬ ОБРАТНО В МАГАЗИНЫ!**

И тотчас все игрушки исчезли.
Посмотрела Женя на свой цветик-семицветик
и видит, что остался всего один лепесток.

„Вот так штука! Шесть лепестков, оказывается, потратила и никакого удовольствия! Ну ничего, вперёд буду умнее“.

Пошла она на улицу, идёт и думает:

„Чего б мне ещё всё-таки велеть? Велю-ка я себе, пожалуй, два кило „Мишек“. Нет, лучше два кило „Прозрачных“. Или нет. Лучше сделаю так: велю полкило „Мишек“, полкило „Прозрачных“, сто граммов халвы, сто граммов орехов и ещё куда ни шло одну розовую баранку для Павлика. А что толку? Ну, допустим, всё это я велю и съем. И ничего не останется. Нет, велю я себе лучше трёхколёсный велосипед... Хотя зачем? Ну, покатаюсь, а потом что? Ещё, чего доброго, мальчишки отнимут. Пожалуй, и поколотят! Нет, лучше я себе велю билет в кино или в цирк. Там всё-таки весело. А может быть, велеть лучше новые сандалеты? Тоже не хуже цирка. Хотя, по правде сказать, какой толк в новых сандалетах? Можно велеть чего-нибудь ещё гораздо лучше. Главное, не надо торопиться“.

Рассуждая таким образом, Женя вдруг увидела превосходного мальчика, который сидел на лавочке у ворот. У него были большие синие глаза, весёлые, но смирные. Мальчик был очень симпатичный — сразу видно, что не драчун, — и Жене захотелось с ним познакомиться. Девочка без всякого страха подошла к нему так близко, что в каждом его зрачке очень ясно увидела своё лицо с двумя косичками, разложенными по плечам.

- Мальчик, мальчик, как тебя зовут?
- Витя. А тебя как?
- Женя. Давай играть в салки?
- Не могу. Я хромой.

И Женя увидела его ногу в уродливом башмаке на очень толстой подошве.

— Как жалко!— сказала Женя.— Ты мне очень понравился, и я бы с большим удовольствием побегала с тобой.

— Ты мне тоже очень нравишься, и я бы тоже с большим удовольствием побегал с тобой, но, к сожалению, это невозможно. Ничего не поделаешь. Это на всю жизнь.

— Ах, какие пустяки ты говоришь, мальчик!— воскликнула Женя и вынула из кармана свой заветный цветок-семицветик.— Гляди.

С этими словами девочка бережно оторвала последний, голубой лепесток, на минутку прижала его к глазам, затем разжала пальцы и запела тонким голосом, дрожащим от счастья:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснёшься ты земли —
Быть по-моему вели!

ВЕЛИ, ЧТОБЫ ВИТЯ БЫЛ ЗДОРОВ!

И в ту же минуту мальчик вскочил со скамьи, стал играть с Женей в салки и бегал так хорошо, что девочка не могла его догнать, как ни старалась.

оспела в лесу земляника.

Взял папа кружку, взяла мама чашку, девочка Женя взяла кувшинчик, а маленькому Павлику дали блюдечко.

Пришли они в лес и стали собирать ягоду: кто раньше наберёт.

Выбрала мама Жене полянку получше и говорит:

— Вот тебе, дочка, отличное местечко. Здесь очень много земляники. Ходи собирай.

Женя вытерла кувшинчик лопухом и стала ходить.

Ходила-ходила, смотрела-смотрела, ничего не нашла и вернулась с пустым кувшинчиком.

Видит — у всех земляника. У папы четверть кружки. У мамы полчашки. А у маленького Павлика на блюдечке две ягоды.

— Мама, а мама, почему у всех у вас есть, а у меня ничего нету? Ты мне, наверное, выбрала самую плохую полянку.

— А ты хорошо искала?

— Хорошо. Там ни одной ягоды, одни только листики.

— А под листики ты заглядывала?

— Не заглядывала.

— Вот видишь! Надо заглядывать.

— А почему Павлик не заглядывает?

— Павлик маленький. Он сам ростом с землянику, ему и заглядывать не надо, а ты уже девочка довольно высокая.

А папа говорит:

— Ягодки — они хитрые. Они всегда от людей прячутся. Их нужно уметь доставать. Гляди, как я делаю.

Тут папа присел, нагнулся к самой земле, заглянул под листики и стал искать ягодку за ягодкой, приговаривая:

— Одну ягодку беру, на другую смотрю, третью замечаю, а четвёртая мерещится.

— Хорошо, — сказала Женя. — Спасибо, папочка. Буду так делать.

Пошла Женя на свою полянку, присела на корточки, нагнулась к самой земле и заглянула под листики. А под листиками ягод видимо-невидимо. Глаза разбегаются. Стала Женя рвать ягоды и в кувшинчик бросать. Рвёт и приговаривает:

— Одну ягодку беру, на другую смотрю, третью замечаю, а четвёртая мерещится.

Однако скоро Жене надоело сидеть на корточках.

„Хватит с меня, — думает. — Я уж и так, наверное, много набрала“.

Встала Женя на ноги и заглянула в кувшинчик. А там всего четыре ягоды.

Совсем мало! Опять надо на корточки садиться. Ничего не поделаешь.

Села Женя опять на корточки, стала рвать ягоды, приговаривать:

— Одну ягодку беру, на другую смотрю, третью замечаю, а четвёртая мерещится.

Заглянула Женя в кувшинчик, а там всего-навсего восемь ягодок — даже дно ещё не закрыто.

„Ну, — думает, — так собирать мне совсем не нравится. Всё время нагибайся да нагибайся. Пока наберёшь полный кувшинчик, чего доброго, и устать можно. Лучше я пойду поищу себе другую полянку“.

Пошла Женя по лесу искать такую полянку, где земляника не прячется под листиками, а сама на глаза лезет и в кувшинчик просится.

Ходила-ходила, полянки такой не нашла, устала и села на пенёк отдыхать. Сидит, от нечего делать ягоды из кувшинчика вынимает и в рот кладёт. Съела все восемь ягод, заглянула в пустой кувшинчик и думает: „Что же теперь делать? Хоть бы мне кто-нибудь помог!“

Только она это подумала, как мох зашевелился, мурава раздвинулась, и из-под пенька вылез небольшой крепкий старичок: пальто белое, борода сизая, шляпа бархатная и поперёк шляпы сухая травинка.

— Здравствуй, девочка, — говорит.
— Здравствуй, дяденька.
— Я не дяденька, а дедушка. Аль не узнала? Я старик боровик, коренной лесовик, главный начальник над всеми грибами и ягодами. О чём вздыхаешь? Кто тебя обидел?

— Обидели меня, дедушка, ягоды.

— Не знаю. Они у меня смирные. Как же они тебя обидели?

— Не хотят на глаза показываться, под листики прячутся. Сверху ничего не видно. Нагибайся да нагибайся. Пока наберёшь полный кувшинчик, чего доброго, и устать можно.

Погладил старик боровик, коренной лесовик свою сизую бороду, усмехнулся в усы и говорит:

— Сущие пустяки! У меня для этого есть специальная дудочка. Как только она заиграет, так сейчас же все ягоды из-под листиков и покажутся.

Вынул старик боровик, коренной лесовик из кармана дудочку и говорит:

— Играй, дудочка.

Дудочка сама собой заиграла, и, как только она заиграла, отовсюду из-под листиков выглянули ягоды.

— Перестань, дудочка.

Дудочка перестала, и ягодки спрятались.

Обрадовалась Женя:

— Дедушка, дедушка, подари мне эту дудочку!

— Подарить не могу. А давай меняться: я тебе дам дудочку, а ты мне кувшинчик — он мне очень понравился.

— Хорошо. С большим удовольствием.

Отдала Женя старику боровику, коренному лесовику кувшинчик, взяла у него дудочку и поскорей побежала на свою полянку. Прибежала, стала посередине, говорит:

— Играй, дудочка.

Дудочка заиграла, и в тот же миг все листики на полянке зашевелились, стали поворачиваться, как будто бы на них подул ветер.

Сначала из-под листиков выглянули самые молодые любопытные ягодки, ещё совсем зелёные. За ними высунули головки ягоды постарше — одна щёчка розовая, другая

белая. Потом выглянули ягоды вполне зрелые — крупные и красные. И, наконец, с самого низу показались ягоды-старички, почти чёрные, мокрые, душистые, покрытые жёлтыми семечками.

И скоро вся полянка вокруг Жени оказалась усыпанной ягодами, которые ярко сквозили на солнце и тянулись к дудочке.

— Играй, дудочка, играй! — закричала Женя. — Играй быстрее!

Дудочка заиграла быстрее, и ягод высыпало ещё больше — так много, что под ними совсем не стало видно листиков.

Но Женя не унималась:

— Играй, дудочка, играй! Играй ещё быстрее.

Дудочка заиграла ещё быстрее, и весь лес наполнился

таким приятным проворным звоном, точно это был не лес, а музыкальный ящик.

Пчёлы перестали сталкивать бабочку с цветка; бабочка захлопнула крылья, как книгу; птенцы малиновки выглянули из своего лёгкого гнезда, которое качалось в ветках бузины, и в восхищении разинули жёлтые рты; грибы поднимались на цыпочки, чтобы не пропустить ни одного звука, и даже старая лупоглазая стрекоза, известная своим сварливым характером, остановилась в воздухе, до глубины души восхищённая чудной музыкой.

„Вот теперь-то я начну собирать! — подумала Женя и уже было протянула руку к самой большой и самой красной ягоде, как вдруг вспомнила, что обменяла кувшинчик на дудочку и ей теперь некуда класть землянику.

— У, глупая дудка! — сердито закричала

девочка.— Мне ягоды некуда класть, а ты разыгралась. Замолчи сейчас же!

Побежала Женя назад к старику боровику, коренному лесовику и говорит:

— Дедушка, а дедушка, отдай назад мой кувшинчик! Мне ягоды некуда собирать.

— Хорошо,— отвечает старик боровик, коренной лесовик,— я тебе отдам твой кувшинчик, только ты отдай назад мою дудочку.

Отдала Женя старику боровику, коренному лесовику его дудочку, взяла свой кувшинчик и поскорее побежала обратно на полянку.

Прибежала, а там уже ни одной ягодки не видно — одни только листики. Вот несчастье! Кувшинчик есть — дудочки не хватает. Как тут быть?

Подумала Женя, подумала и решила опять идти к старику боровику, коренному лесовику за дудочкой.

Приходит и говорит:
— Дедушка, а дедушка, дай мне опять дудочку!

— Хорошо. Только ты дай мне опять кувшинчик.

— Не дам. Мне самой кувшинчик нужен, чтобы ягоды в него класть.

— Ну, так я тебе не дам дудочку.

Женя взмолилась:

— Дедушка, а дедушка, как же я буду собирать ягоды в свой кувшинчик, когда они без твоей дудочки все под листиками сидят и на глаза не показываются? Мне непременно нужно и кувшинчик и дудочку.

— Ишь ты, какая хитрая девочка! Подавай ей и дудочку и кувшинчик! Обойдётся и без дудочки, одним кувшинчиком.

— Не обойдусь, дедушка.

— А как же другие-то люди обходятся?

— Другие люди к самой земле пригибаются, под листики сбоку загля-

дывают, да и берут ягоду за ягодой. Одну ягоду берут, на другую смотрят, третью замечают, а четвёртая мерещится. Так собирать мне совсем не нравится. Нагибайся да нагибайся. Пока наберёшь полный кувшинчик, чего доброго, и устать можно.

— Ах, вот как!— сказал старик боровик, коренной лесовик и до того рассердился, что борода у него вместо сизой стала чёрная-пречёрная.— Ах, вот как! Да ты, оказывается, просто лентяйка! Забирай свой кувшинчик и уходи отсюда! Не будет тебе никакой дудочки!

С этими словами старик боровик, коренной лесовик топнул ногой и провалился под пенёк.

Женя посмотрела на свой пустой кувшинчик, вспомнила, что её дожидаются папа, мама и маленький Павлик, поскорей побежала на свою полянку, присела на корточки, заглянула под листики и стала проворно брать ягоду за ягодой. Одну берёт, на другую смотрит, третью замечает, а четвёртая мерещится...

Скоро Женя набрала полный кувшинчик и вернулась к папе, маме и маленькому Павлику.

— Вот умница,— сказал Жене папа,— полный кувшинчик принесла! Небось устала?

— Ничего, папочка. Мне кувшинчик помогал.

И пошли все домой— папа с полной кружкой, мама с полной чашкой, Женя с полным кувшинчиком, а маленький Павлик с полным блюдечком.

А про дудочку Женя никому ничего не сказала.

ГОЛУБОН

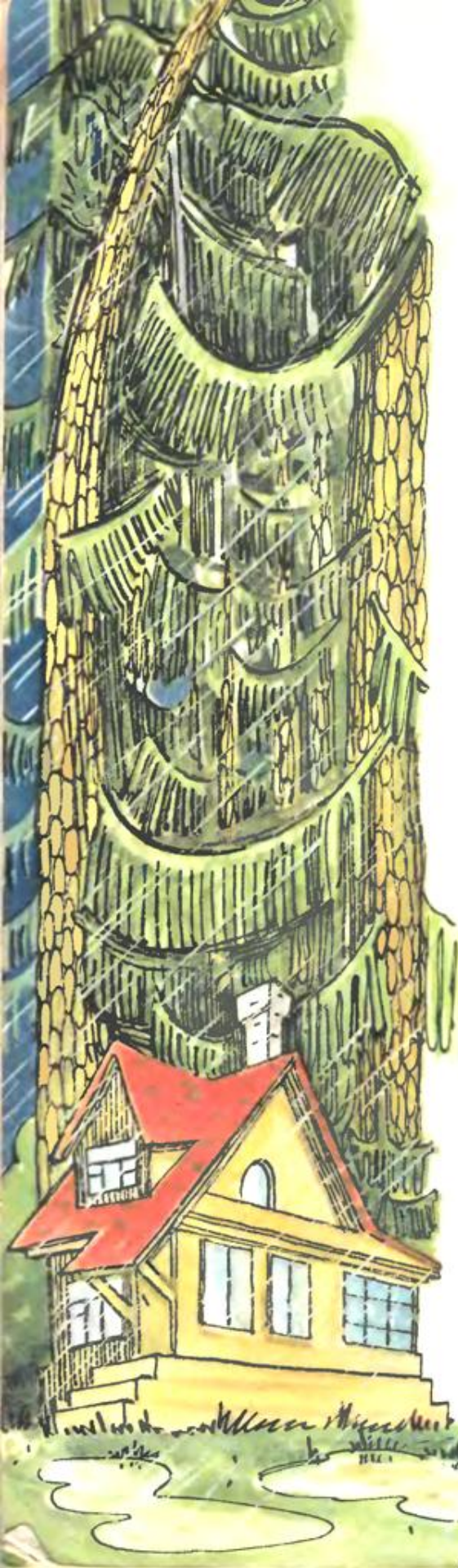
утра лил дождь. Дул сильный ветер. Высокие сосны раскачивались во все стороны, стучаясь сухими ветками. В лесу было сумрачно. Холод-

ная вода стояла в траве по щиколотку.

Женю и Павлика не пустили гулять. Они целый день сидели в комнате и скучали. Вдруг слышат:

„Гуль-гуль-гулы!“

Дети высунулись в окно, посмотрели вверх и увидели под застрехой голубна. Как видно, он отстал от своей стаи, заблудился в лесу, вымок и спрятался от непогоды под застреху.

Это был очень красивый голубок, весь белый, в пуховых штанишках, с розовыми глазами.

Он ходил взад-вперёд по выступу дома, проворно вертел головкой, чистил клювом мокрые пёрышки и сам с собой разговаривал:

„Гуль-гуль-гуль!“

Женя и Павлик очень обрадовались и стали кричать голубку:

— Здравствуй, гуленька! Бедненький гуленька! Иди к нам в комнату, гуленька! Мы дадим тебе кашки!

Голубок вежливо отвечал:

„Гуль-гуль-гуль!“

Но из-под застрехи не выходил. Наверное, боялся.

Тут дождь пошёл ещё сильнее, сверкнула молния, загремел гром. Пришла мама, закрыла окно и велела детям есть простоквашу, а потом ложиться спать.

— Мамочка,— сказала Женя,— мы хотим немножечко поиграть с голубком.

— Да, мы хотели немножечко поиграть с голубком,— сказал вслед Павлик, который всегда повторял Женины слова.

Но мама сказала:

— Сегодня уже поздно. Надо ложиться спать. И гуленька пусть ложится спать. А завтра встанете пораньше, будет хорошая погода, и целый день будете играть с гуленькой

Дети съели простоквашу, улеглись, но долго ещё не могли заснуть. Они лежали, шёпотом разговаривая про гуленьку, как они с ним будут играть завтра.

— Завтра я его буду пеленать,— сказала Женя.

— Нет, я его буду завтра запрягать,— сказал Павлик.

— Нет, я его буду купать!

— Нет, я его буду возить!

— Нет, я его буду учить!

Пришла мама и сказала:

— Довольно болтать. Спите.

Женя и Павлик повернулись на другой бок и стали быстро засыпать, чтобы скорее было завтра.

Назавтра они проснулись рано. Дождя не было. Ветра не было. Сосны не шевелились. В лесу дымилось солнце. В траве играла роса. Женя и Павлик поскорее оделись, умылись и высунулись в окно посмотреть на своего голубка. Но голубка не было. Тогда дети побежали в сад. Искали в саду, искали — нет гуленьки.

— Вы чего здесь ищете?— спросил папа из окна.

— Мы, папочка, голубка своего ищем, гуленьку.

— К сожалению, вашего гуленьку ночью, пока вы спали, съела сова,— сказал папа и показал детям на лужайке под берёзой совсем небольшую кучку белого пуха и нежных перьев — словно кто снежку посыпал.

Заплакали Женя и Павлик, да делать нечего.

А сова тем временем сидела на чердаке у деда Корнея и облизывалась.

Вот тебе и гуленька!

ПЕНЬ

дальше. Пришёл старик с мешочком, кряхтя поклонился пню и побрёл дальше.

Весь день приходили в лес разные люди, кланялись пню и шли дальше.

Возгордился старый пень и говорит деревьям:

— Видите, даже люди и те мне кланяются. Пришла

бабушка — поклонилась, пришли девочки — поклонились, пришёл старик — поклонился. Ни один человек не прошёл мимо меня не поклонившись. Стало быть, я здесь в лесу у вас самый главный. И вы тоже мне кланяйтесь.

Но деревья молча стояли вокруг него во всей своей гордой и грустной осенней красоте.

Рассердился старый пень и ну кричать:

— Кланяйтесь мне! Я ваш царь!

Но тут прилетела маленькая быстрая синичка, села на молодую берёзу, ронявшую по одному свои золотые зубчатые листочки, и весело защебетала:

— Ишь, как расшумелся на весь лес! Помолчи! Ничего ты не царь, а обыкновенный старый пень. И люди вовсе не кланяются тебе, а ищут возле тебя опёнки. Да и тех не находят. Давно уже все обобрали.

Жене и Павлику приехала из города двоюродная сестра Инночка.

— Ну, дети, — сказала мама, — нечего вам без дела сидеть. Идите в лес

за грибами. Посмотрим, кто из вас лучше грибы собирает.

— Я лучше всех собираю, — сказал Павлик.

— Нет, я лучше, — сказала Женя.

А Инночка промолчала. Она вообще любила помалкивать.

Побежали дети в лес и разошлись в разные стороны.

Через час возвращаются.

— Я лучше всех собрал!— кричит Павлик издали.— У меня больше всех грибов, глядите: полное ведро!

Посмотрела мама и улыбнулась:

— Неудивительно, что у тебя полное ведро: ни одного хорошего гриба. Одни только поганки да собачьи грибы. Неважно ты собираешь грибы, друг мой Павлик.

— Ага!— кричит Женя.— Я же говорила, что я лучше всех собираю! Глядите: у меня самые большие и самые красивые грибы—красные в белый горошек. Ни у кого нет таких красивых грибов.

Посмотрела мама и засмеялась:

— Глупенькая, это же мухоморы. Они хоть и красивые, да никуда не годятся. Ими отравиться можно. В общем, ты тоже плохо собираешь грибы, Женечка.

А Инночка стоит в сторонке и помалкивает.

— А ты, Инночка, что же молчишь? Показывай, что насобидала.

— У меня совсем мало,— говорит Инночка застенчиво.

Заглянула мама в Инночкин кузовок, а там десять превосходных грибов. Две прехорошенькие сыроежки, похожие на розовые цветочки; две лисички в жёлтых китайских шапочках; два двоюродных братца—подосиновик и подберёзовик; груздь, рыжик, волнушка. Да большой, крепкий, пузатый боровик в бархатном берете.

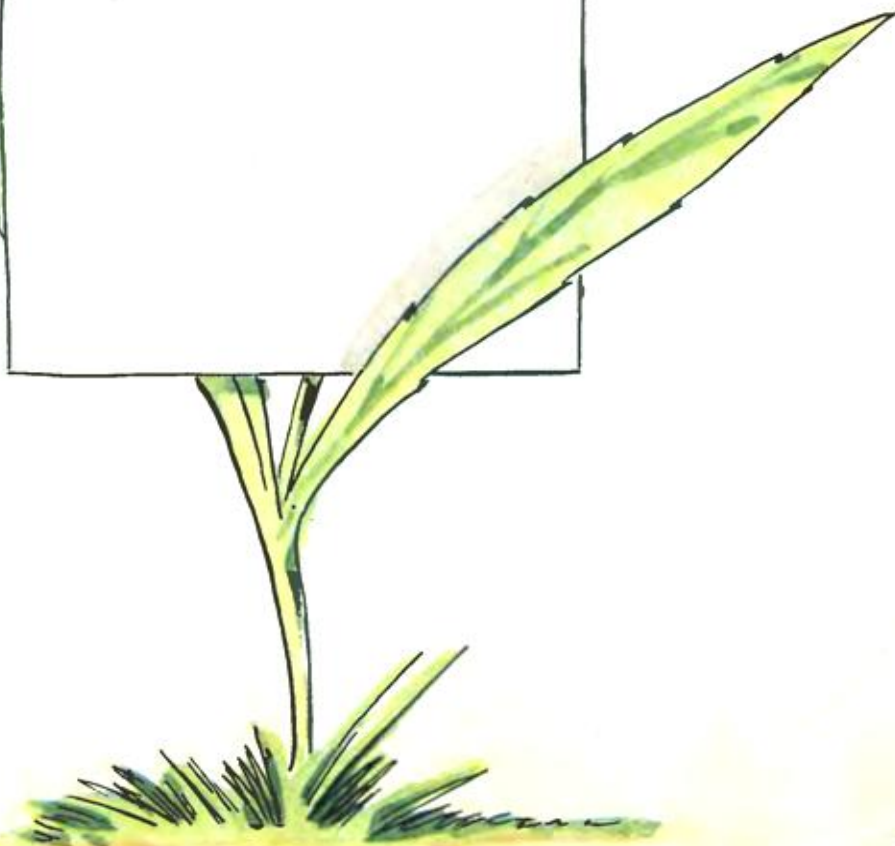
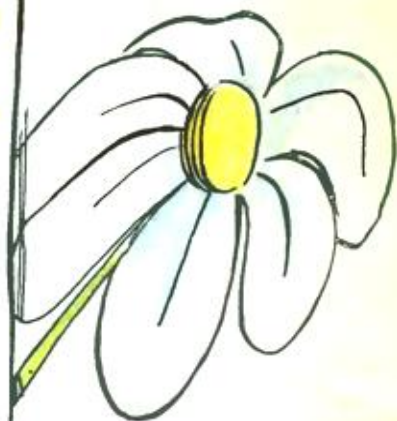
А сверх того ещё целое гнездо опят—удалых ребят.

СОДЕРЖАНИЕ

Цветик-семицветик	3
Дудочка и кувшинчик	21
Голубок	33
Пень	36
Грибы	39

МАДОУ детский сад № 2
г. Ивделя